

Luis Beltrán Almería

Universidad de Zaragoza, Zaragoza, España

✉ lbeltran@unizar.es

DOI 10.25205/978-5-4437-1247-5-42-47

LECTURAS DE DOSTOIEVSKI

La interpretación de la obra de Dostoievski es uno de los grandes retos de la crítica literaria moderna. No es casual. Así sucede con todos los grandes autores literarios: desde Homero y Aristófanes a Kafka o Th. Mann, pasando por Cervantes, Shakespeare o Goethe. En la crítica eslava Shklovski, Bajtín y Meletinski son hitos en el gran debate que suscita Dostoievski. Ese gran debate encalla ante los límites de la crítica moderna. La crítica española también ha tenido un capítulo para las lecturas de Dostoievski. José Ortega y Gasset, José Bergamín y Mariano Baquero Goyanes dedicaron páginas memorables al novelista ruso.

Esas lecturas se debaten entre interpretar la obra de Dostoievski en clave ideológica o buscar otros registros. Esos otros registros caben dentro de lo que llamamos *estética*, aunque, como veremos, se suele entender cosas muy distintas por tal concepto. La solución más socorrida ha consistido en buscar un lugar común: el realismo de Dostoievski.

Si nos fijamos en la teoría acerca del realismo dos argumentaciones merecen ser contempladas como prioritarias. La primera es la teoría del reflejo o de lo típico, cuyo fundamento aparece en la obra de W. Dilthey y que difundió György Lukács. La otra es una consideración que aparece en la obra de Bajtín y que ha tenido una amplia difusión en la crítica antes y después de Bajtín: el peso del material histórico

Луис Бельтран Альмерия

Университет Сарагосы, Сарагоса, Испания

✉ lbeltran@unizar.es

DOI 10.25205/978-5-4437-1247-5-42-47

ДОСТОЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Интерпретация творчества Достоевского — одна из важнейших задач современной литературной критики. Это не случайно. Так обстоит дело со всеми великими литературными авторами: от Гомера и Аристофана до Кафки или Томаса Манна, а также Сервантеса, Шекспира или Гете. Среди славянистов заслуживают внимание такие столпы литературной критики, такие участники великой полемики вокруг творчества Достоевского, как Шкловский, Бахтин и Мелетинский. Для масштаба этой дискуссии тесны рамки современной критики. В испанском литературоведении тоже есть место для Достоевского. Хосе Ортега-и-Гассет, Хосе Бергамин и Мариано Бакеро Гоянес посвятили русскому писателю свои незабываемые страницы.

В настоящих чтениях споры идут между интерпретацией творчества Достоевского в идеологическом ключе и поиском других толкований. Эти другие толкования вписываются в рамки того, что мы называем эстетикой, хотя, как мы увидим, под такой концепцией обычно понимаются совершенно различные вещи. Самым подходящим решением было найти точку соприкосновения, которой как раз является реализм Достоевского.

Если мы обратимся к теории реализма, два аргумента заслуживают того, чтобы считаться приоритетными. Первый — это теория от-

© Л. Бельтран Альмерия, 2021

y la trascendencia histórica del contenido de la obra. Nos detendremos muy brevemente y en primer lugar en la teoría del reflejo o de lo típico.

Como es bien sabido esta teoría sirvió a Lukács para elevar el materialismo a doctrina estética. No es sólo que Lukács prefiriera a Tolstói antes que a Dostoievski, incluso a Sholojov, al que dedica un elogio que no se lo dirigiría a Dostoievski. Para Lukács, *Tierras roturadas* muestra el nacimiento de una nueva clase: la transición de la aldea a la colectivización. En cambio, las *Notas del subsuelo* serían la “representación del individuo decadente y solitario.” Podríamos seguir mostrando argumentos si no fuera porque resulta palpable que para Lukács el arte de Dostoievski no se amoldaba a su exigencia de un realismo que mostrara el ascenso revolucionario del socialismo. Más bien inducía a una comprensión decadente, como sucediera con Kafka, Joyce, Proust o Musil. Sin embargo, el escaso aprecio que merece Dostoievski desde el dogmatismo realista no le ha librado de que otros le hayan considerado pertinazmente realista.

Quizá las razones en el empecinamiento de ver realista a Dostoievski sean de tipo cultural. Me explicaré. En un contexto en que lo realista es tenido por la cima del arte y la literatura modernas, un escritor del que queremos demostrar nuestra elevada valoración no puede ser tenido por otra cosa. Sospecho que ese argumento ha obrado en algunos casos. Pero otra dimensión –como ya hemos apuntado– que hemos de tener en cuenta a la hora de considerar el realismo es la del peso de la historia. Los escritores tenidos por realistas con mayores motivos en apariencia suelen hacer un considerable acopio de material histórico en sus novelas. Es el caso de Stendhal, que extrajo su argumento para *Le rouge et le noir* (*Rojo y negro*) de un crimen que conmovió a Francia y que ocupó muchas páginas de la prensa de la época. Por si esto fuera poco añadió otros acontecimientos políticos del momento, una cierta dosis de material autobiográfico y una profunda sensibilidad acerca de la política de la época: el rojo y el negro representan el espíritu democrático popular y la reacción caciquil-eclesiástica respectivamente. Esta misma sensibilidad histórica, tanto en lo anecdótico como en las profundidades del senti-

ражения, или теория типичного, основа которой заложена в работах В. Дильтея и далее развита Георгом Лукачем. Еще один аспект, который появляется в творчестве Бахтина и широко поддерживается критиками до и после него — это значимость исторического материала и эпохальность содержания произведений Достоевского. Для начала мы очень кратко остановимся на теории отражения, или типичного.

Как известно, эта теория позволила Лукачу поднять материализм до уровня эстетического учения. Дело не только в том, что Лукач предпочел Толстого Достоевскому или даже Шолохову, которому он дает высокую оценку, в отличие от Достоевского. С точки зрения Лукача, «Поднятая целина» показывает зарождение нового класса: переход деревни к колективизации. Что касается «Записок из подполья» Достоевского, это произведение «изображает опустившегося однокого человека». Можно продолжить обсуждать, не вызвано ли это тем, что, по мнению Лукача, творчество Достоевского обусловлено потребностью в реализме, который отражал революционное движение к социализму.

Скорее всего, это способствовало декадентскому пониманию его творчества, как и творчества Кафки, Джойса, Пруста или Музиля. Тем не менее невысокая оценка, которую Достоевский заслужил со стороны реалистического догматизма, не исключают того факта, что другие критики упорно считают его реалистом.

Возможно, причины подобного настойчивого стремления видеть в Достоевском реалиста носят культурный характер. Дело в том, что в том контексте, когда реализм считается вершиной современного искусства и современной литературы, писатель, которому мы даем высокую оценку, может восприниматься только как реалист. Полагаю, что в некоторых случаях имел место именно этот аргумент. Как мы было указано ранее, еще один момент, который мы должны учитывать при рассмотрении реализма, это груз истории. Писатели, считающиеся реалистами и движимые стремлением к правдоподобию, обычно вкладывают в свои романы значительный исторический материал. Это касается Стендalu, который построил сюжет «Le rouge et le noir» (*«Красное и черное»*) на преступлении, которое потрясло Францию и которое активно обсуждалось прессой того времени. Не ограничиваясь этим, он добавил также

do, se ha apreciado en la *Comedia humana* de Balzac, en los *Episodios nacionales* de Galdós o en la lección histórica que Dickens dispone en su *Historia de dos ciudades*. Cabe preguntarse, sin entrar en mayores precisiones, acerca de esa sensibilidad que ha llevado a decir que la novela realista es la historia privada de las naciones, si esa historia privada (explícita e implícita) está también presente en las grandes novelas de Dostoievski. Las novelas de Dostoievski están imbuidas, como casi todas las novelas del siglo XIX, de cierta dimensión histórica general. “Estamos ligados a nuestro pasado histórico y a la humanidad universal” solía decir. Ciertos personajes dostoievskianos están inspirados en la historia cultural rusa: el hombre superfluo, el nihilista, el hombre subterráneo y el hombre positivo y revolucionario. Pero si subimos un poco el nivel de exigencia podemos llegar a la conclusión de que ese material de referencias históricas concretas está tan ausente de sus novelas como ocurre también con otras novelas de Dickens (salvo en la mencionada *Historia de dos ciudades*) o con las novelas de Galdós a partir de *Miau*, por poner sendos ejemplos. No es ese historicismo cronológico un atributo de las novelas de Dostoievski, pues no se aproximan al género de la novela de educación histórica, representado por *Historia de dos ciudades* o los *Episodios nacionales*.

Con los argumentos expuestos hasta aquí podemos extraer una primera conclusión. No se trata tanto de que Dostoievski sea un realista o dejé de serlo, sino que esta categoría es inapropiada para definir la estética de Dostoievski, aun siquiera como punto de partida. Vaya por delante nuestra opinión de que Dostoievski no es un antirrealista. Pero tampoco se trata de elegir entre dos conceptos inadecuados el menos inadecuado. La pretensión dostoievskiana de trascender el realismo merece una formulación más precisa.

другие политические события тех лет, некоторые автобиографические материалы и глубокий анализ политической ситуации: красный и черный символизируют народный демократический дух и реакционный характер политики землевладельцев и церкви соответственно. Подобное восприятие исторической реальности как в ситуативном, так и в глобальном понимании, было отражено в «Человеческой комедии» Бальзака, в «Национальных эпизодах» Гальдоса или в историческом уроке, который Диккенс преподносит в «Повести о двух городах». Не вдаваясь в излишние подробности, стоит задаться вопросом относительно того восприятия, которое привело к утверждению, что реалистический роман — это частная история народов, и попытаться разобраться, существует ли эта частная история, явно или неявно, также в великих романах Достоевского. Романы Достоевского, как и почти все романы XIX в., пронизаны определенным общеисторическим духом эпохи. «Мы связаны с нашим историческим прошлым и со всем человечеством», — говорил он. Некоторые персонажи Достоевского написаны под влиянием истории русской культуры: лишний человек, нигилист, человек из низов общества, положительный человек и революционер. Однако, если присмотреться поближе, мы можем сделать вывод, что отсылки к конкретному историческому материалу отсутствуют в его романах, как и в романах Диккенса, кроме упомянутой выше «Повести о двух городах», или в романах Гальдоса, начиная с «Мяу» (ограничивая эти примерами). Этот хронологический историзм не является атрибутом романов Достоевского, так как они не соответствуют жанру историко-просветительского романа, примерами которого являются «Повесть о двух городах» или «Национальные эпизоды».

На основании представленных аргументов мы можем сделать первый вывод. Дело не столько в том, является ли Достоевский реалистом или нет, сколько в том, что эта категория не подходит для определения эстетики Достоевского по крайней мере в качестве отправной точки. Развивая эту мысль, скажем, что Достоевский не антиреалист. Но это не вопрос выбора наименее неподходящей концепции из двух неподходящих. Стремление Достоевского выйти за рамки реализма заслуживает более точной формулировки.